

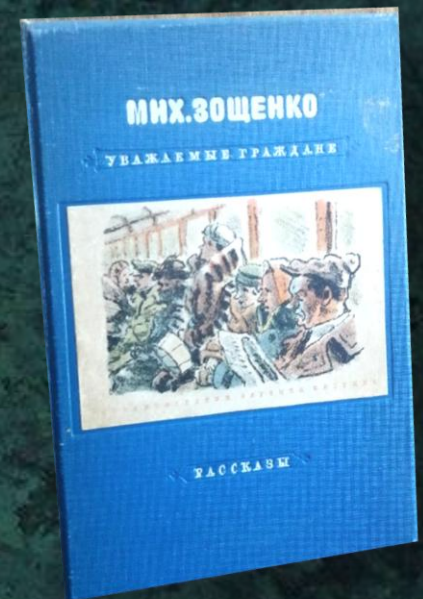
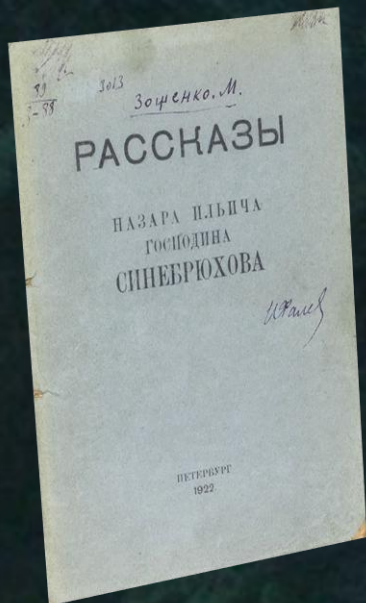
Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют виртуальную выставку

Михаил Михайлович Зощенко

книги с автографами в фондах ЗНБ СГУ

Зощенко Михаил Михайлович (1894 — 1958) — русский советский писатель, драматург, сценарист и переводчик. Классик русской литературы. Высмеивал невежество и другие человеческие пороки. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями.

Будучи студентом юридического факультета Петербургского университета, ушёл добровольцем на фронт Первой мировой войны (1914 — 1918). Был ранен и демобилизован в чине штабс-капитана. В 1918 вступил добровольцем в Красную Армию. Печататься начал в 1922. Принадлежал к литературной группе «Серрапионовы братья».

Произведения М. М. Зощенко были переведены на многие языки народов мира, в том числе в 2011 году на японский.

По произведениям М. М. Зощенко поставлены театральные спектакли и снято несколько художественных фильмов.

Книги с автографами замечательного русского писателя Михаила Михайловича Зощенко поступили в библиотеку в 1978 году в составе собрания К. А. Федина. Их всего четыре, но они дороги нам дружескими надписями, рассказывающими об истории взаимоотношений двух литераторов:

1. Зощенко, М. М. Рассказы Назара Ильича господина Синябрюхова / М. М. Зощенко. — Петербург : Эрато, 1922. — 76, [1] с. — Текст : непосредственный.

Дорогому хорошему Косте Федину. Нежно целую. Мих. Зощенко. 27.У.22.

Вложение: рецензия (вырезка из газеты), подп.: Мих. Могиланский.

2. Зощенко, М. М. Аристократка : рассказы / М. М. Зощенко. — Москва- Ленинград : Новелла, 1924. — 75 с. — Текст : непосредственный.

Дорогому приятелю, хорошему Косте Федину Миша 4/124. С большей нежностью, чем раньше.

3. Зощенко, М. М. Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика. 1935-1937 / М. М. Зощенко. — Ленинград : Художественная литература, 1937. — 463, [1] с. — Текст : непосредственный.

Дорогой Костенька! Посылаю тебе, в знак моей любви, - последнюю «продукцию».

Крепко целую и обнимаю тебя, мой старый друг. Михаил 5/138 Ленинград.

4. Зощенко, М. М. Уважаемые граждане. Избранные рассказы. 1923—1938 / М. М. Зощенко. — Ленинград : Советский писатель, 1940. — 322, [2] с. — Текст : непосредственный.

Моему другу Конст. Федину. Сердечно тебя любящий М. Зощенко 19 /ХІ40.

Автографы М. М. Зощенко были опубликованы в работах Н. А. Попковой «Из истории советского книгоиздательства : на материале книг с автографами из библиотеки К. А. Федина» и С. В. Клеймёновой «Автографы на книгах М. М. Зощенко из собрания К. А. Федина в фондах Зональной научной библиотеки СГУ».

Знакомство М. М. Зощенко и К. А. Федина относится к началу 1920-х годов, когда они были молодыми литераторами, входившими в группу «Серапионовых братьев», наряду с Вс. Ивановым, Н. Никитиным, В. Кавериным, Н. Тихоновым, М. Слонимским, Е. Полонской. Несомненным лидером объединения был рано умерший Л. Лунц. Хотя группа распалась в 1929 году, дружеские отношения, дух братства сохранились у «серапионов» надолго, у Федина и Зощенко (несмотря на редкие встречи) — на всю жизнь.

Серапионовы братья

Слева направо: К. Федин, М. Слонимский, Н. Тихонов, Е. Полонская, М. Зощенко, Н. Никитин, И. Груздев, В. Каверин

К. А. Федин был достаточно закрытым, сдержанным человеком, но в его записных книжках и дневниках встречаются искренние и глубокие записи, посвящённые Зощенко .

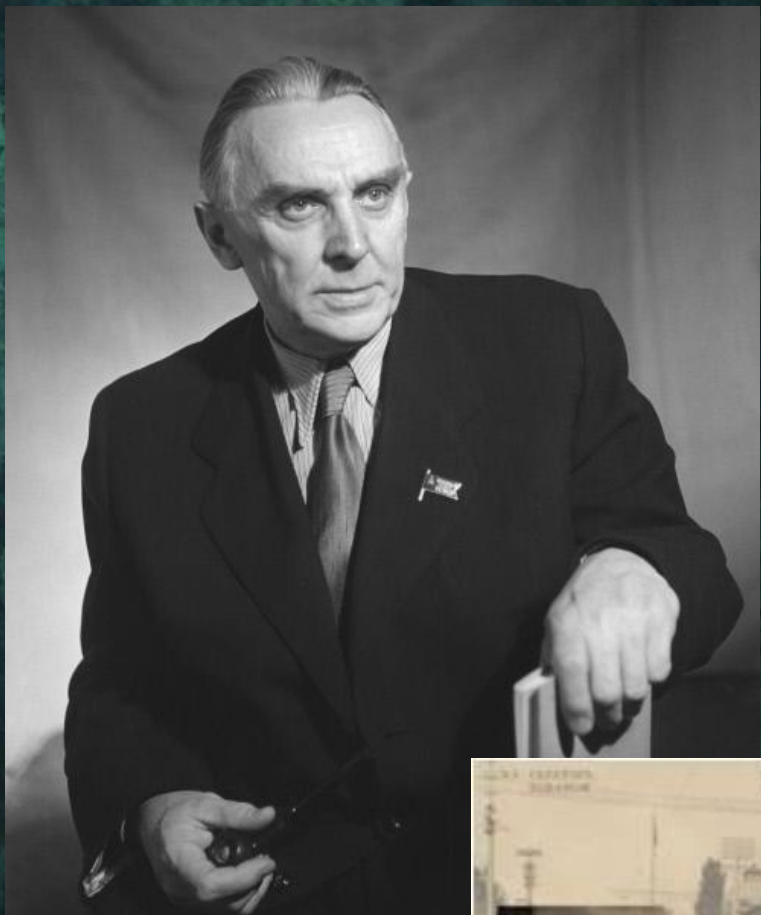
Константин Александрович с присущей ему художественной интуицией уловил суть литературного таланта М. Зощенко.

Запись от 24 ноября 1928: «За истекшие две недели самое главное - возрождение «Серапионова братства». Вчера первое «исполнительное» заседание у Никитина. Читал Зощенко - «Сирень цветёт» и маленькие рассказы. Единодушие полное. <...> Все стосковались по писательской работе и писательскому общению. Поэтому повесть Зощенки, прослушанная писателями и оценённая ими, — это тот редкий *лётный* день, который радует авиатора у нас, на севере» .

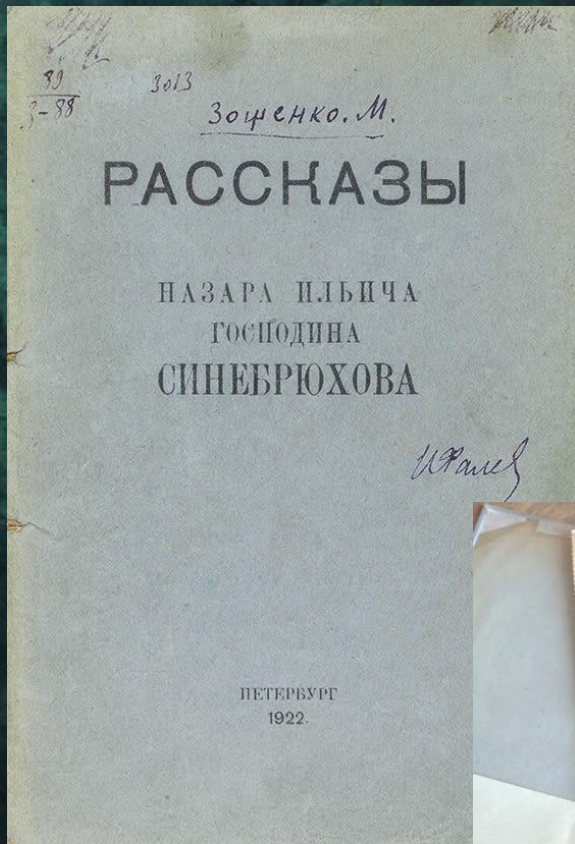
К. А. Федин

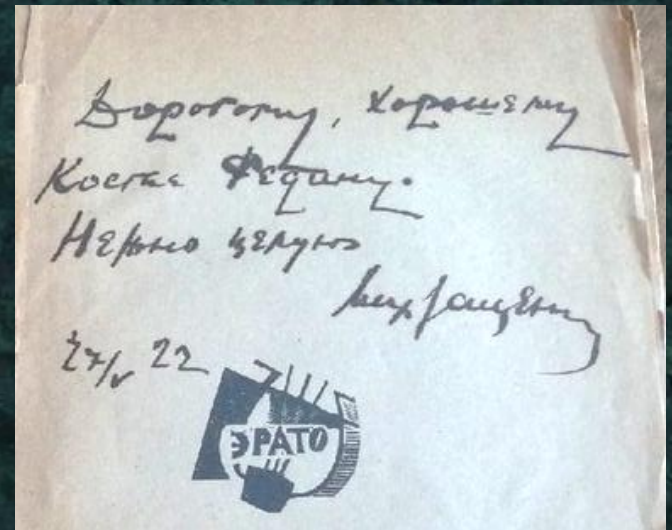
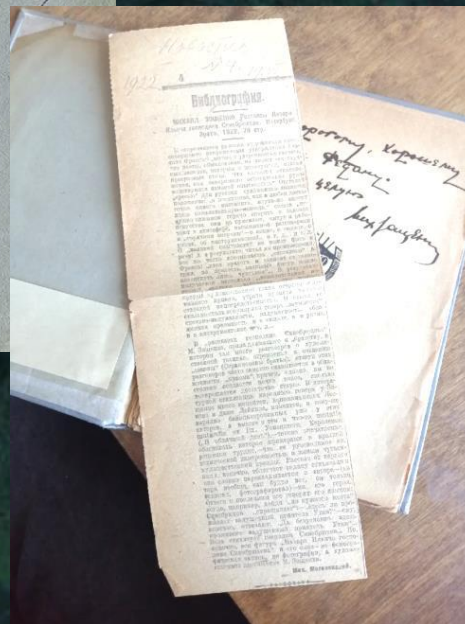

В статье, посвящённой творчеству Зощенко, К. Федин в 1943 году писал: «Этот человек был первым из всей молодой литературы, который, по виду без малейшего усилия, как в сказке, получил признание и в литературной среде, и в совершенно необозримой читательской массе. Он действительно проснулся в одно прекрасное утро знаменитым, с первых своих шагов почувствовал всё неудобство популярности... Зощенко пришел в литературу, как никто более, со своим голосом, своим героем, своей темой, каждой строкой уверенно заявляя: вот так надо писать, и только так я буду писать...». Статья вышла только в 1957 году в книге «Писатель. Искусство. Время». Зощенко был очень растроган. В письме от 3 декабря он написал Федину слова глубокой и искренней благодарности за поддержку и верность многолетней дружбе. «...Благодарю тебя, мой старый друг, что ты захотел вырвать из плена мой почти погасший дух...». Письмо опубликовано в издании «Константин Федин и его современники : из литературного наследия XX века», вышедшем в Москве в институте мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук. В издании принимали участие учёные города Саратова.

Книги М. М. Зощенко с дарственными надписями

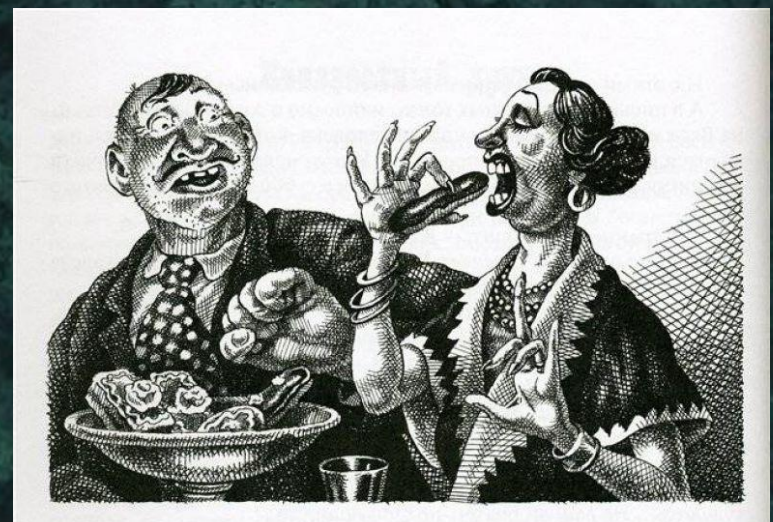
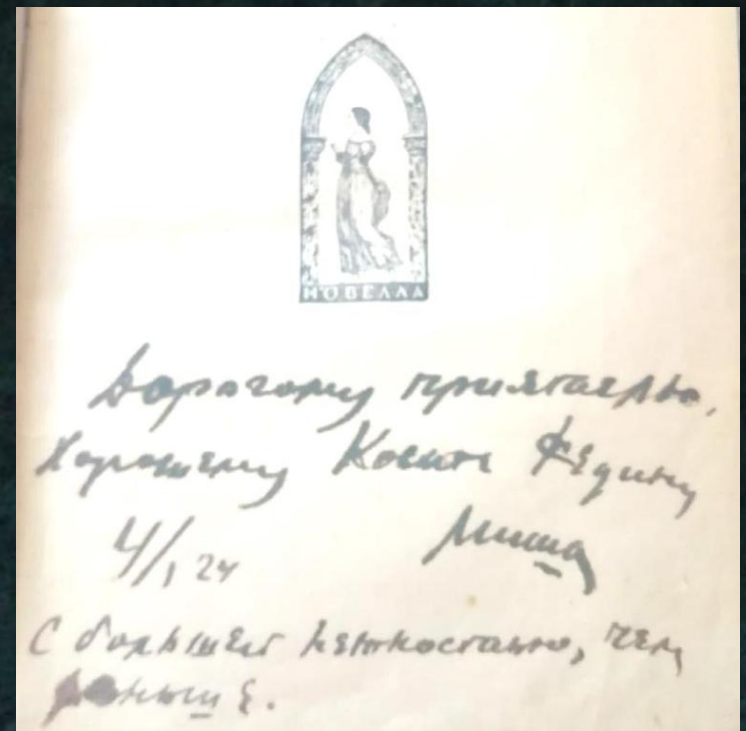

Цикл «Рассказы Назара Ильича» включает в себя несколько рассказов, написанных от лица Назара Ильича Синябрюхова. Каждое произведение является законченной историей со своим смыслом. В экземпляре имеется вложение – газетная вырезка, сделанная К. А. Фединым, рецензия на книгу филолога М. Могилянского, издано в Петербурге в известном издательстве «Эрато». Первая книга Зощенко, вышедшая в июле 1922 года тиражом 2000 экземпляров.

«Смех часто бывает великим посредником в деле отличия истины от лжи», — писал великий критик В. Г. Белинский. Едва появившись в печати, рассказ М. Зощенко «Аристократка» имел огромный успех у читателей. Грустная ирония сквозит в строках рассказа. Такую ли Россию мечтал видеть Михаил Зощенко?

АРИСТОКРАТКА

Григорий Иванович икнул два раза подряд, вытер подбородок рукавом и сказал:

— Я, братцы мои, не люблю баб, которые в шляпках. Ежели баба в шляпке, ежели чулочки на ей фельдикосовые, или мопсик у ней на руках, или зуб золотой, то такая аристократка мне и не баба вовсе, а гладкое место.

В свое время я, конечно, увлекался одной аристократкой. Гулял с ей и в театр водил. В театре то все и вышло. В театре она и развернула свою идеологию во всем объеме.

А встретился я с ей во дворе дома. На собрании. Гляжу, стоит этакая фря. Чулочки на ей, зуб золоченый.

— Откуда,— говорю,— ты, гражданка? Из какого номера?— Я, говорит,— из седьмого.

— Пожалуйста,— говорю,— живите. И сразу то она мне ужасно понравилась.

Зачастил я к ей. В седьмой номер. Бывало, приду, как лицо официальное. Дескать, как у вас, гражданка, в смысле порчи водопровода и уборной? Действует?

— Да,— отвечает,— действует. И сама кутается в байковый платок и ни мур-мур больше. Только глазами стрижет. И зуб во рте блестит. Походил я к ней месяц — привыкла. Стала подробней отвечать. Дескать, действует водопровод, спасибо вам, Григорий Иванович.

Дальше — больше, стали мы с ней по улицам гулять. Выйдем на улицу, а она велит себя под руку принять. Приму ее под руку и волочусь, что щука. И чего сказать — не знаю и перед народом совестно. Ну, а раз она мне и говорит:

— Что вы,— говорит,— Григорий Иванович, меня все по улицам водите? Аж голова закрутилась. Вы бы, говорит, как кавалер и у власти, сводили бы меня, например, в театр.

— Можно,— говорю. И как раз на другой день прислала комячейка билеты в оперу. Один билет я получил, а другой мне Васька-слесарь пожертвовал.

На билеты я не посмотрел, а они разные. Который мой — внизу сидеть, а который Васькин — аж на самой галерейке.

Вот мы и пошли. Сели в театр. Она села на мой билет, я на Васькин.

Сижу на верхотуре и ни хрена не вижу. Я, ежели нагнуться через барьер, то ее вижу. Хотя плохо. Поскучал я, поскучал, вниз сошел. Гляжу — антракт. Она в антракте ходит.

— Здравствуйте,— говорю.— Здравствуйте.'

— Интересно,— говорю,— действует ли тут водопровод?

— Не знаю,— говорит.

И сама в буфет прет. Я за ней. Ходит она по буфету и на стойку смотрит. А на стойке блюдо. На блюде пирожные. Я этаким гусем, этаким буржуем нерезанным, вьюсь вокруг ее и предлагаю:

— Ежели,— говорю,— вам охота скушать одно пирожное, то не стесняйтесь. Я заплачу.

— Мерси,— говорит.

И вдруг подходит развратной походкой к блюду и цоп с кремом и жрёт.

А денег у меня — кот наплакал. Самое большое что на три пирожных. Она кушает, а я с беспокойством по карманам шарю, смотрю рукой, сколько у меня денег. А денег с гулькин нос.

Съела она с кремом, цоп другое. Я аж крякнул и молчу. Взяла меня этакая буржуйская стыдливость. Дескать, кавалер, а не при деньгах. Я хожу вокруг ее, что петух, а она хохочет и на комплименты напрашивается. Я говорю:

— Не пора ли нам в театр сесть? Звонили, может быть.

А она говорит:

— Нет.

И берет третье. Я говорю:

— Натощах то не много ли? Может вытошнить, а она:

— Нет,— говорит,— мы привыкшие. И берет четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

— Ложи,— говорю,— взад!

А она испужалась. Открыла рот. А во рте зуб блестит.

А мне будто попала возжа под хвост. Все равно, думаю, теперь с ней не гулять.

— Ложи,— говорю,— к чертовой матери! Положила она назад. А я говорю хозяину:

— Сколько с нас за скушанные три пирожные? А хозяин держится индефферентно — ваньку валяет.

— С вас,— говорит,— за скушанные четыре штуки столько то.

— Как,— говорю,— за четыре? Когда четвертое в блюде находится.

— Нету,— отвечает,— хотя оно и в блюде находится, но надкус на ем сделан и пальцем смято.

— Как,— говорю,— надкус, помилуйте. Это ваши смешные фантазии.

А хозяин держится индефферентно — перед рожей руками крутит, — ну, народ, конечно, собрался.

Эксперты. Одни говорят: надкус сделан, другие — нету.

А я вывернул карманы — всякое, конечно, барахло на пол вывалилось — народ хохочет. А мне не смешно. Я деньги считаю.

Сосчитал деньги — в обрез за четыре штуки. Зря, мать честная, спорил.

Заплатил. Обращаюсь к даме:

— Докушивайте,— говорю.— Заплачено.

А дама не двигается. И конфузится докушивать. А тут какой то дядя ввязался.

— Давай,— говорит,— я докушаю. И докушал, сволочь. За мои то деньги.

Сели мы в театр. Досмотрели оперу. И домой.

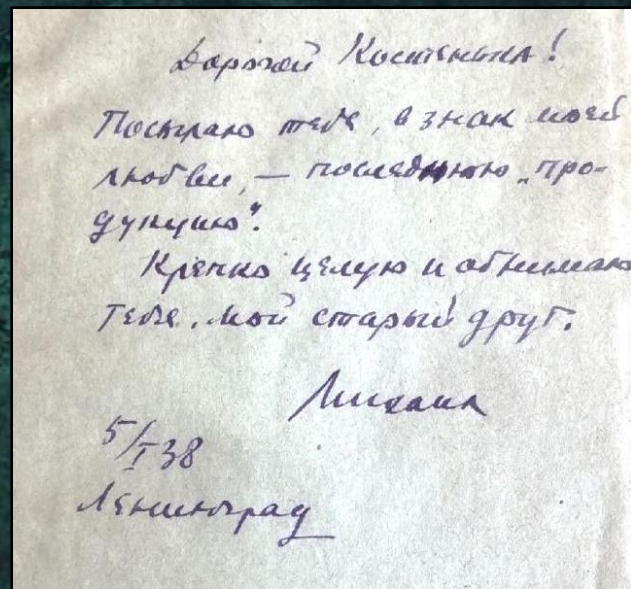
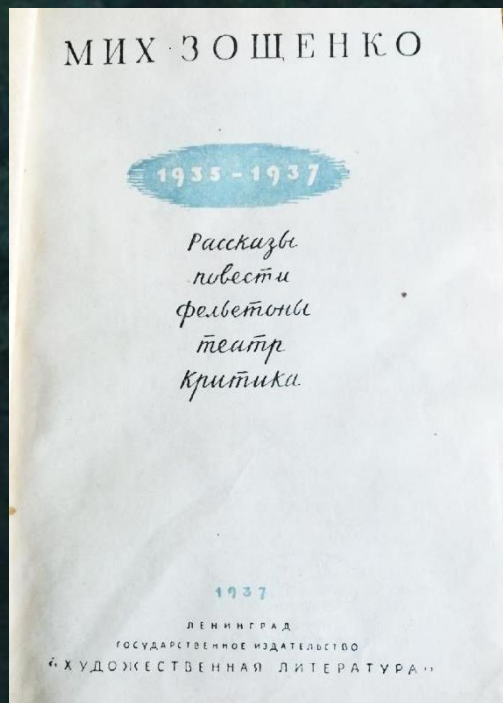
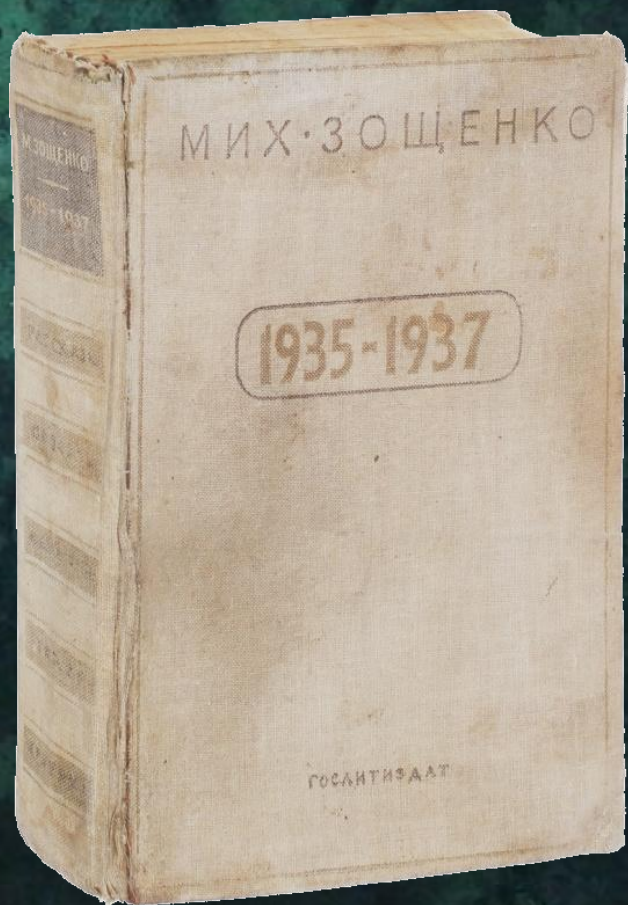
А у дома она мне и говорит:

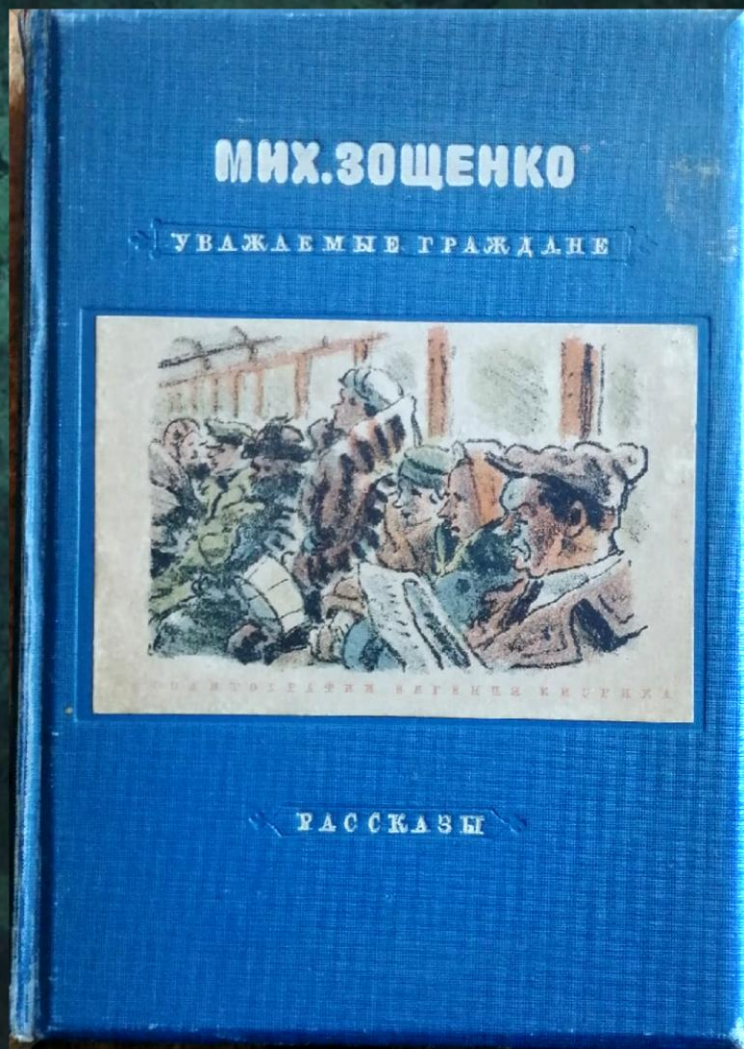
— Довольно свинство с вашей стороны. Которые без денег — не ездют с дамами.

А я говорю:

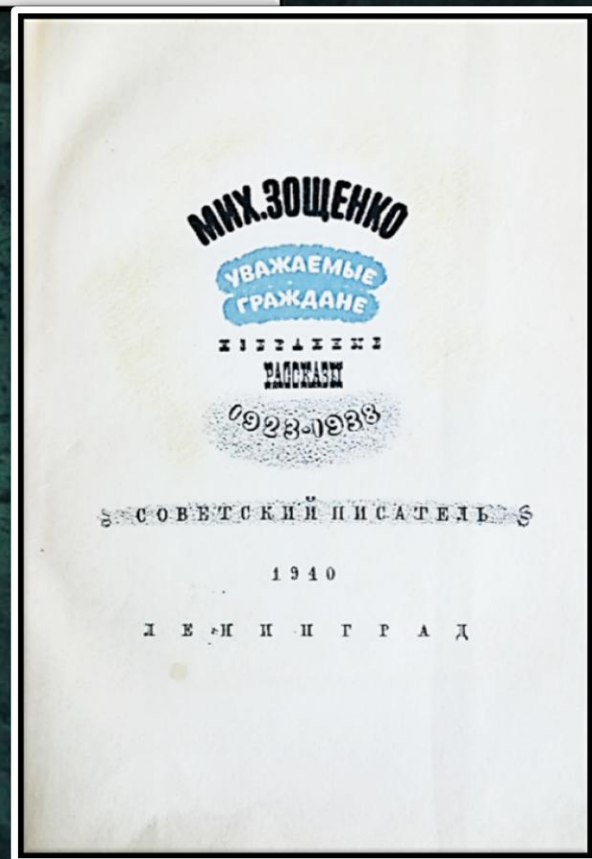
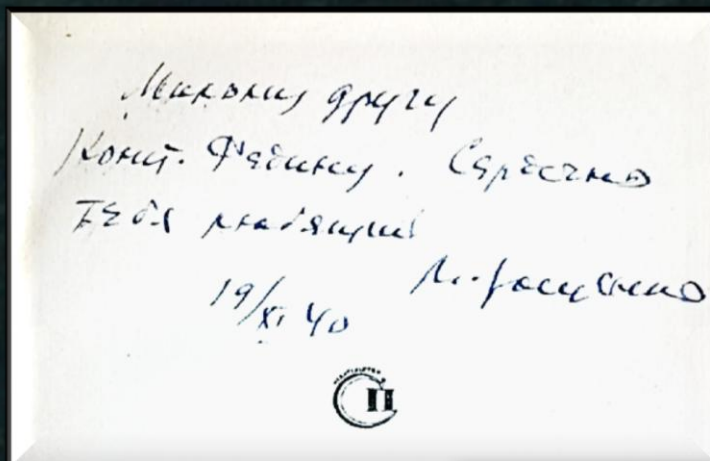
— Не в деньгах счастье. Извините за выражение. Так мы с ней и разошлись.

Не нравятся мне аристократки.

Книгу "Уважаемые граждане" (1940)
украшают автолитографии, выполненные
признанным мастером книжной графики
Евгением Кибриком.

В издании опубликован рассказ «Монтёр», в котором упоминается наш родной город Саратов.

«Я братцы мои, зря спорить не буду, кто важней в театре — актёр, режиссёр или, может быть, театральный плотник. Факты покажут.

Факты всегда сами за себя говорят.

Дело это произошло в Саратове или в Симбирске, одним словом, где-то недалеко от Туркестана. В городском театре. Играли в этом городском театре оперу.

Кроме выдающейся игры артистов, был в этом театре, между прочим, монтёр — Иван Кузьмин Мякишев.

На общей группе, когда весь театр в двадцать третьем году снимали на карточку, монтёра этого пихнули куда-то сбоку — мол, технический персонал. А в центр, на стул со спинкой, посадили тенора.

Монтер Иван Кузьмич Мякишев ничего на это хамство не сказал, но затаил некоторую грубость.

А тут такое подошло. Сегодня, для примера, играют «Руслан и Людмила». Музыка Глинки. Дирижёр — маэстро Кацман. А без четверти минут восемь являются до этого монтёра две знакомые ему барышни.

Или он их раньше пригласил, или они сами приперлись — неизвестно.

Так являются эти две знакомые барышни, отчаянно флиртуют и вообще просят их посадить в общую залу — посмотреть на спектакль.

Монтёр говорит:

— Да ради бога, медам. Сейчас я вам пару билетов сварганю. Посидите тут, у будки.

И сам, конечно, к управляющему. Управляющий говорит:

— Сегодня вроде как выходной день. Народу пропасть. Каждый стул на учете. Не могу. Монтёр говорит:

— Ах так, говорит. Ну, так я играть отказываюсь. Отказываюсь, одним словом, освещать ваше производство. Играйте без меня. Посмотрим тогда, кто из нас важней и кого сбоку сымать, а кого в центр сажать. И сам обратно в будку. Выключил по всему театру свет к чортовой бабушке, замкнул на все ключи будку и сидит — отчаянно флиртует со своими знакомыми девицами. Тут произошла, конечно, форменная обструкция. Управляющий бегаёт. Публика орёт. Кассир визжит, пугается, как бы у него деньги в потемках не уперли.

А бродяга, главный оперный тенор, привыкший завсегда сыматься в центре, заявляется до дирекции и говорит своим тенором:

— Я в темноте петь тенором отказываюсь. Раз, говорит, темно, — я ухожу. Мне, говорит, голос себе дороже. Пущай, сукин сын, монтёр поет.

Монтёр говорит:

— Пущай не поет. Наплевать ему в морду. Раз он, сволочь такая, в центре сымается, то и пущай одной рукой поет, другой свет зажигает. Дермо какое нашлось! Думает — тенор, так ему и свети все время. Теноров нынче нету!

Тут, конечно, монтер схлестнулся с тенором. Вдруг управляющий является, говорит:

— Где эти чортовы две девицы? Через них наблюдается полная гибель. Сейчас я их куда-нибудь посажу, корова их забодай!

Монтер говорит:

— Вот они, чортовы девицы! Только не через их гибель, а гибель через меня. Сейчас, говорит, я свет дам. Мне энергии принципиально не жалко.

Дал он сию минуту свет.

— Начинайте, говорит.

Сажают тогда его девиц на выдающиеся места и начинают спектакль.

Теперь и разбирайтесь сами, кто важнее в этом сложном театральном механизме».

1927 г.

М. М. Зощенко неоднократно бывал в Саратове , путешествовал на пароходе по Волге. Его впечатления отражены в рассказах о нашем городе.

ТРАМБЛЯМ В САРАТОВЕ

Печатники — народ, конечно, веселый. А касаясь саратовских печатников, так и говорить не приходится. Это очень даже веселые парни.

Но при всей своей веселости саратовские печатники культурану никогда не забывают.

Ура этим саратовским печатникам!

Конечно, в летнее время какая же культурану, сами посудите? Ну, разве экскурсия, например, или массовая лекция на лоне природы.

Это печатники очень обожают. Их мухами не корми — допусти только до этой культурану.

Ну и допустили однажды.

Культотдел союза допустил.

В воскресенье выехали. Кружки тоже всякие выехали — спортивный кружок, кружок физкультуры, пионеры опять же.

И поехали. По Волге. За пять верст. В Шусейку, кажется.

...Едут по Волге, а кругом сушая благодать. Водичка кругом плескается. Буфет опять же с крепкими напитками. Два оркестра гремят, один на носу, другой на корме.

Роскошно ехали. А на место приехали, а там специальная площадка устроена для гуляющих. Хотел народ расположиться на этой площадке, ан нет. Начальники говорят:

— Атанде, погодите, товарищи. Сейчас мы эту площадку на уголки разобьем. Пущай будет организованно. Здесь пущай будет уголок технический, здесь пущай рабочие, здесь производственный уголок...

Народ говорит:

— Нам все едино — уголки так уголки. В каком уголке пить — безразлично нам. Один пес, как говорится. Пиво от этого не портится.

Но тут оркестры, конечно, грянули, начался трамблям по всем уголкам.

Пили ужасно много. И все под музыку. Дрались тоже под музыку. Одному человеку под музыку рожу совсем набок смяли. Но ничего, отдышался. Все-таки воздух благотворно действует на саратовских печатников.

А после опять пили. А после назад поехали. Не пить же до бесконечности!

А что протокольчик милиция составила, так это не на площадке вовсе, а на пароходе. Это, можно сказать, не считается. Да к тому же и не за драку вовсе и не за убийство, а просто за хулиганство.

А какое было хулиганство — не знаем: два оркестра очень сильно гремели — не слышно было.

Да оно и к лучшему, что не знаем. К чему нам драгоценную московскую кровь портить всяким саратовским трамблямом.

ПРОИСШЕСТВИЕ НА ВОЛГЕ

Для начала мы вам собираемся рассказать об одной забавной маленькой неудаче. Эта неудача заключалась именно в том, что группа отдыхающих получила моральное потрясение по случаю одного недоразумения. Вот как это случилось. Это было в первые еще годы революции, когда установилась жизнь и по Волге стали курсировать чудные пароходы с первоклассными каютами и с подачей пассажирам горячей пищи, группа отдыхающих граждан – шесть конторщиков и в том числе я – выехала отдохнуть на Волгу. Нам все советовали прокатиться по Волге. Поскольку там чудный отдых. Природа. Берега. Вода, еда и каюта. И, значит, группа конторщиков, уставшая, так сказать, от грохота революции, выехала освежиться. Попался чудный первоклассный пароход под названием «Товарищ Пенкин». Мы стали интересоваться, кто такой этот Пенкин, – нам говорят: какой-то, кажется, работник водного транспорта.

Нам было, собственно, все равно, и мы, конечно, поехали на этом неизвестном товарище. Приехали в Самару. Вылезли своей группой, – пошли осматривать город. Осматриваем. Вдруг слышим какие-то гудки. Нам говорят:

– Расписание сейчас неточное. Возьмет еще и уйдет наш «Пенкин». Давайте вернемся. И вот, кое-как осмотрев город, вернулись. Подходим к пристани, видим – уже нету нашего парохода. Ушел. Крики поднялись, вопли. Один из нас кричит: «Я там в штанах свои документы оставил». Некоторые кричат: «А мы – багаж и деньги. Что ж теперь делать?.. Ужас!». Я говорю: – Давайте сядем на этот встречный пароход и вернемся назад. Глядим, действительно, стоит у пристани какой-то волжский пароход под названием «Гроза». Спрашиваем публику плачевным голосом: давно ли, дескать, «Пенкин» ушел. Может, его можно по берегу догнать. Публика говорит:– Зачем вам догонять? Эвон «Пенкин» стоит. Только это теперь «Гроза». Он бывший «Пенкин». Ему перекрасили название. Тут мы обрадовались чрезвычайно.

Бросились на этот свой пароход и до самого Саратова с него не сходили. Боялись. Между прочим, спросили капитана, почему такой забавный факт и такая срочность. Капитан говорит:

– Видите, у нас это наименование дали пароходу отчасти ошибочно. Пенкин имеется в рядах водного транспорта, но только он отчасти не был на высоте своего положения. И в настоящее время он находится под судом за превышение власти. И мы получили телеграмму закрасить его название. Вот мы и назвали его «Гроза». Тут мы сказали: – Ах, вот что! – и безразлично засмеялись. Приехали в Саратов. И своей группой вышли осматривать город. Там мы тоже долго не прохлаждались. А мы дошли до ларька и купили папирс. И осмотрели пару зданий.

Возвращаемся назад – опять видим, нету нашего парохода «Гроза». И видим, вместо него стоит другой пароход. Конечно, испуг у нас был не такой сильный, как в Самаре. Думаем, шансы есть. Может быть, они опять заглавие закрасили. Но все-таки некоторые из нас опять сильно испугались. Подбежали ближе. Спрашиваем публику: – Где «Гроза»? Публика говорит: – А вот это и есть «Гроза». Бывшая «Пенкин». А теперь, начиная с Саратова, он у них – «Короленко». Мы говорим: – Что ж они красок-то не жалеют? Публика говорит: – Не знаем. Спросите боцмана. Боцман говорит: – Жара с этими наименованиями. «Пенкин» у нас дали ошибочно. А что касается до «Грозы», то это было малоактуальное название. Оно отчасти было беспринципное. Это явление природы. И оно ничего не дает ни уму, ни сердцу. И капитану дали за это вздрючку. Вот почему и закрасили. Тогда мы обрадовались и сказали: – Ах, вон что! – и сели на этот пароход «Короленко». И поехали.

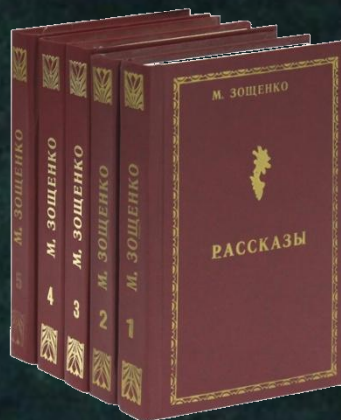
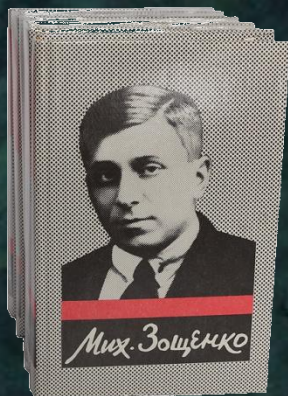
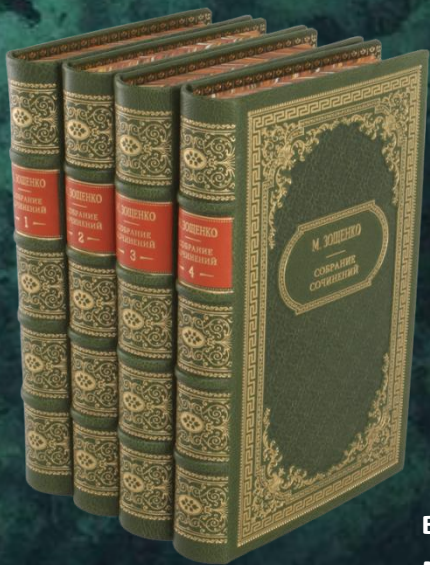
А боцман нам говорит:– Глядите, в Астрахани не пугайтесь, если обратно найдете другое название. Но мы говорим: – Нет, это навряд ли будет. Поскольку это «Короленко» – выдающийся писатель. В общем, до Астрахани доехали благополучно. А оттуда мы дернули по суше. Так что дальнейшая судьба парохода нам была неизвестна. Но можно не сомневаться, что это наименование так при нем и осталось. На вечные времена. Тем более что Короленко умер. А Пенкин был жив, и в этом была основная его неудача, доведшая его до переименования. Так что тут неудача заключается скорей всего даже в том, что люди бывают, что ли, живы. Нет, пардон, тут вообще даже не понять, в чем кроется сущность неудачи. С одной стороны, нам как будто бы иной раз выгодно быть неживым. А с другой стороны, так сказать, покорно вас за это благодарю. Удача сомнительная. Лучше уж не надо. А вместе с тем быть живым вроде как тоже в этом смысле относительная неудача. Так что тут, как бы сказать, с двух сторон теснят человека неприятности. Вот почему этот маленький, вроде недоумения, пусячок мы поместили в ряду наших рассказов о неудачах. Однако, кроме как на Волге, большие неудачи случаются также в банях. Предлагаем вашему вниманию рассказ о подобной неудаче.

1927 г.

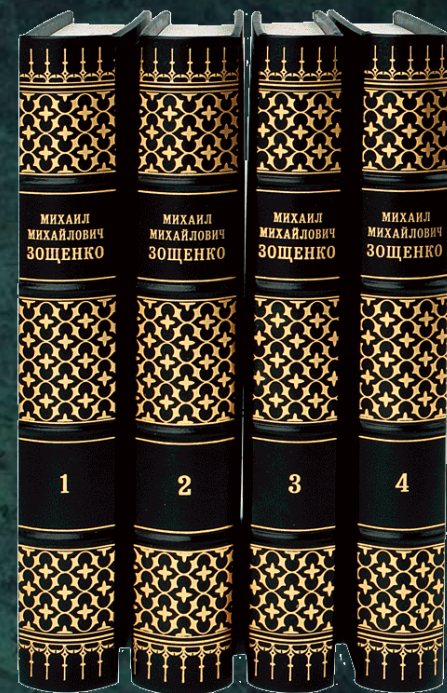
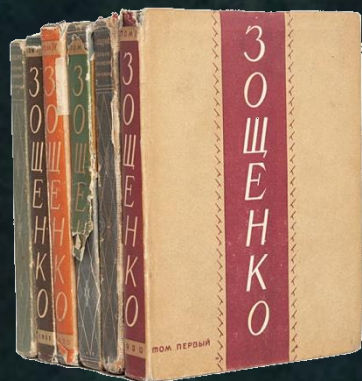

Разгромное постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград» 1946 года, вызвавшее преследования Ахматовой и Зощенко, известно всем. Но не все знают, за что именно посыпались шишки на голову Михаила Михайловича. Формальным поводом же послужил детский рассказ «Приключения обезьянки», впервые опубликованный в «Мурзилке».

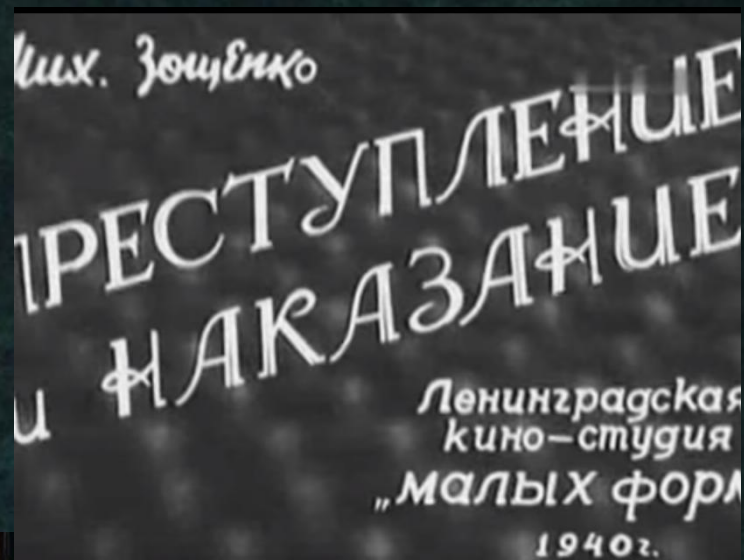
История такова. Опубликованный в декабрьском номере журнала «Мурзилка» за 1945 год очень смешной, а главное, совершенно невинный детский рассказ «Приключения обезьянки», был затем переиздан в трех книгах и без ведома автора перепечатан журналом «Звезда». Вот фрагмент этого произведения, послужившего впоследствии яблоком раздора: «...Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забилась в угол на лестнице. Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьянка была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее невзлюбила. Она накричала на мартышку и даже хотела ударить ее по лапе. Все из-за того, что, когда пили чай и бабушка положила свою откусанную конфету на блюдечко, обезьянка схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну - обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствии бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез. Бабушка сказала: - Вообще это крайне неприятно, когда в квартире живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом. Будет прыгать на меня в темноте. Будет кушать мои конфеты. Нет, я категорически отказываюсь жить в одной квартире с обезьяной. Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад... Алеша сказал своей бабушке: - Нет, бабушка, вам не надо переходить в зоосад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съест. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолке...».

Сегодня Михаил Михайлович Зощенко востребован. Его произведения издают, переводят на многие языки. Его именем названы улицы, музеи библиотеки, в его честь установлены мемориальные доски и памятники.

По произведениям Зощенко снято несколько художественных фильмов, в том числе знаменитая комедия Леонида Гайдая «Не может быть!» (1975) по рассказу и пьесам «Преступление и наказание», «Забавное приключение», «Свадебное происшествие» и другие.

Источники

1. Зощенко, Михаил Михайлович . – Изображение. Текст : электронные // Википедия : свободная энциклопедия. - URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Зощенко,_Михаил_Михайлович (дата обращения 04.08.2020). – Последнее изменение страницы: 19:02, 12 июля 2020 г. - Язык русский.
2. Персона. Михаил Зощенко. – Изображение. Текст : электронные // Культура.РФ : [портал культуры РФ]. - Москва, 2013 - 2020. – URL: <https://www.culture.ru/persons/9974/mikhail-zoshenko> (дата обращения: 04.08.2020).
3. Михаил Зощенко. – Изображение. Текст : электронные // 24 СМИ : [сайт]. – 2010 – 2019. - URL: <https://24smi.org/celebrity/4269-mikhail-zoshchenko.html> (дата обращения 04.08.2020).
4. Зощенко, Михаил. Рассказы Назара Ильича господина Синебрюхова / М. Зощенко. – Текст : электронный // Лаборатория Фантастики: [сайт]. - URL:<https://fantlab.ru/work689087>. - (дата обращения 04.08.2020).
5. Зощенко, Мих. 1935-1937. Рассказы, повести, фельетоны, театр, критика / М. Зощенко. – Текст : электронный // Лаборатория Фантастики : [сайт]. – URL: <https://fantlab.ru/edition266663> (дата обращения 04.08.2020).